

КРАСНОЯРСКИЙ СОБОРНИК

КРАЕВАЯ
БИБЛИОТЕКА

ФЕВРАЛЯ

1993 г.

СУББОТА

№ 33 — 34

(22192—22193)

Венно-политическая газета

Цена в розницу —
свободная

ЧИТАТЕЛИ «КРАСНОЯРСКОГО РАБОЧЕГО»
ЖЕЛАЮТ ДМИТРИЮ УСПЕХОВ, ЗДОРОВЬЯ И
НОВЫХ ОТКРЫТИЙ В ИСКУССТВЕ.

ЗНАЙ НАШИХ...

Hvorostovsky.org

ШЛЯПЫ ДОЛОЙ, ГОСПОДА!

СОСТОЯЛСЯ КОНЦЕРТ ДМИТРИЯ ХВОРОСТОВСКОГО В КРАСНОЯРС-
СКЕ, СБОР ОТ КОТОРОГО ПОЙДЕТ НА НУЖДЫ ИНСТИТУТА ИСКУССТВ.

МНЕ КАЖЕТСЯ, что ни один зал в мире не встречает Дмитрия с такой сердечностью и любовью, нигде не витает в воздухе такая атмосфера родственной близости и сопричастности, как раз за разом это происходит в Красноярске. Ну где еще, скажите, можно слышать, как в публике его неизменно ласково называют Димой? И где это видано, чтобы, допустим, Анна Чехова вышла на сцену Малого концертного зала филармонии и объявила: «Поздравляю всех присутствующих с большим праздником! Сегодня поет Дмит-

рий Хворостовский!» — и ни титулов тебе, ни перечня славных деяний. При этом солист вовсе не обижен, а выходит на сцену, широко улыбаясь. Он знает, что сердца и души сидящих здесь людей открыты навстречу и ему, и его искусству, что они готовы до бесконечности внимать каждому звуку его голоса. И чудо свершается вновь и вновь.

В двух отделениях концерта была представлена новая программа из произведений русских композиторов. Первое пение целиком посвятил Чайковскому. Надо полагать,

что Дмитрий прятнул к воплощению своего давнего замысла: воскресить редко исполняемые романсы Чайковского. Поэтому наряду с такими популярными произведениями, как «Средь шумного бала», «Хотел бы в единое слово», мы услышали и несколько подзабытые нами «Любовь мертвеца», «На нивы желтые», «О, если б ты могла».

Музыкальная интуиция и художественный вкус подсказали Дмитрию совершенно нетрадиционный подход: объе-
[Окончание на 2-й стр.]

ШЛЯПЫ ДОЛОЙ, ГОСПОДА!

Hvorostovsky.org

[Оценочная.

Начало на 1-й стр.]

Объединение трех-четырех романсов из разных опусов на стихи различных поэтов в мини-циклы. Объединение происходит на основе темповых и тональных контрастов, а главное, на основе некоего сюжетного (точнее, условно сюжетного) стержня. Дело в том, что никаких внешних событий, какого-либо действия в романсах Чайковского нет. Поэтому в мини-циклах прослеживается лишь общая эмоционально-драматургическая направленность. Например, продвижение от взрыва отчаяния по невозвратимой утрате («Ни слова, о друг мой») через светлое воспоминание («То было раннею весной») к ирреальной любовной муке («Любовь мертвеца»). И после прохождения этой нижней отметки мрачных эмоций певцом выстраивается постепенная линия просветления от наполненного возвышенными чувствами романса «Благославляю вас, леса» до ликующе-восторженного «День ли царит», завершившего первое отделение концерта.

Второе отделение в свою очередь оказалось двухчастным. В начале его мы услышали романсы, уже звучавшие прежде, Бородина и Римского-Корсакова. Но, воистину, «пусть говорят, что материал у меня не нов — расположение материала новое». После многозначительной расстановки романсов Чайковского невольно и далее обращаешь внимание на этот поиск выразительности. Чрезвычайно интересно было услышать три кряду совершенно разные по настроению элегии: сумеречную «Для берегов Отчизны дальней», спокойно-прекрасную «Октаву» и меланхолическую «Редеет облаков летучая гряда», которые сменились бьющей через край энергией жизни в романсе «Дробится и плещет».

Здесь я не могу не обратить внимание на одно очень важное качество, появившееся в трактовках Дмитрия Hvorostovskogo, которое привело в результате к беспрецедентному по точности и глубине проникновению в святая святых композиторского замысла. Речь идет о темпах. Все романсы, темпы которых обозначены как умеренные или спокойные, оказались сдвину-

тыми с привычного уху фолуса в сторону замедления. Музыкантам известно, что чем медленнее темп произведения и чем больше в нем регитаций на одном и том же тоне, тем труднее его исполнять — велика опасность «развалить» целое. От исполнителя в этом случае требуется безупречное владение звуковедением, всей палитрой тембров, переливами динамики, а для пианистов — еще и педалью. Ансамбль Дмитрий Hvorostovskiy — Михаил Аркадьев, как мы услышали, не имеет проблем с «дыханием», поэтому пристальность их исполнительского взгляда позволила насладиться и утонченно «выписанными» деталями, и неправдоподобно плавными и длительными звуковыми нарастаниями и спадами, а также красивыми выразительными и глубокими кульминациями. Внутренние контрасты произведений обозначились предельно рельефно, и в давно знакомой музыке мы вдруг обнаружили потаенные доселе грани. Лично я нечто подобное испытала ранее только от ансамбля Нина Дорлиак — Святослав Рихтер.

В завершение концерта прозвучал уникальный шедевр Модеста Мусоргского «Песни и пляски смерти». Сам факт обращения Дмитрия Hvorostovskogo к этому сложнейшему многомерному вокальному сочинению весьма показателен. Об исполнителе можно сказать, используя известную цитату: «Шляпы долой, господа! Перед нами — гений». Воплощение им четырех песен-сцен достойно отдельного и подробного анализа. Но рамки газетной статьи не позволяют этого сделать, а проходиться «по верхам» не хочется.

Всего год с небольшим прошел с того дня, когда Дмитрий в последний раз пел в Красноярске. Тогда казалось, что лучше уже ничего быть не может.

Но подлинное искусство — неисчерпаемый источник, а подлинный талант непредсказуем, ибо «тайна сия велика есть». Нам подчас ужасно хочется постигнуть, понять до доньшка, как свершается таинство таланта. Но стоит ли? Ведь «когда тайна исчезает, мир и жизнь становятся пошлыми».

Эльвира ВАНЮКОВА,
музыковед.